

ХИЗЕР ДЕЙВИ

ТРИЗРАКИ МЕРРИ-ХОЛЛА

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д27

Heather Davey
THE GHOSTS OF MERRY HALL
Copyright © 2025 Heather Davey
All rights reserved

Настоящее издание выходит с разрешения *Johnson & Alcock Ltd.* и *The Van Lear Agency*

Перевод с английского Евгении Перловой
Серийное оформление Татьяны Гамзиной-Бахтий
Оформление обложки Михаила Корнилова

Дейви Х.

Д27 Призраки Мерри-Холла : роман / Хизер Дейви ; пер. с англ. Е. Перловой. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 432 с. — (Новая готика).

ISBN 978-5-389-30624-0

В готическом дебютном романе Хизер Дейви прошлое и настоящее переплетаются в мрачном викторианском особняке, где стены помнят каждую прошлую обиду и несправедливость.

В наши дни Нелл, оставшаяся без денег и работы после развода, въезжает в ветхий Мерри-Холл с дочерью-подростком Ферн — отчаянный шаг, который оборачивается встречей с призраками, каждый из которых хочет рассказать свою историю. В 1840-х годах юная Долли Дав, талантливая артистка-альбинос, становится сначала игрушкой, а потом жертвой владельца балагана уродов...

Две женщины, разделенные веками, оказываются связаны одним домом. Одна — призрак, отчаянно пытающийся быть услышанным. Другая — живая, но все равно невидимая для мира. Их истории переплетаются в этом пронзительном и атмосферном романе о том, что прошлое не уйдет, пока его жертвы не получат голос. Идеально для поклонников произведений Лоры Перселл и Элис Хоффман.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-30624-0

© Е. М. Перлова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

Пожар в Мерри-Холле начался в субботу после обеда. Здание, дом художника Джареда Рейна, было построено в 1840 году шоуменом и предпринимателем Абелем Уэнхемом.

Фермер Том Рассел заметил языки пламени, вырывающиеся из окон.

«Это было ужасно, — поделился Рассел, — я вызвал пожарных, и они приехали через несколько минут. Они делали невозможное, но здание спасти не удалось».

Причина пожара неизвестна, но, несмотря на то что зданию нанесен непоправимый ущерб, по заверению полиции, никто из жильцов не пострадал. На месте происшествия обнаружены человеческие останки, начато расследование.

«Бодвик рекордер», 27 января 2025 г.

1

Долли

Ноябрь 2024

Над Мерри-Холлом плотная тишина. Она висит тяжелым облаком, заглушая все, к чему прикасается. Птицы здесь не поют, деревья не смеют шелестеть, лесные звери не приходят охотиться.

Здесь только пыль и тишина. Тишина, которая в ожидании этого дня постепенно сгущалась, становилась плотнее.

И вот в нее ворвались звуки.

Человек идет к дому по рыхлой земле. Руки в карманах непромокаемого плаща, волосы всклокочены, щеки покраснели от бесконечных ноябрьских ветров. Я наблюдаю за ним, опираясь рукой на пыльный подоконник.

Гость останавливается на мгновение, и мне кажется, он меня заметил. Но нет, он просто пошарил в кармане, нащупал, вытащил ключ и вставил его в замочную скважину.

Слышу звук открывающегося замка и отодвигаюсь от окна. Дверь разбухла от старости и долгих проливных дождей. Человек давит плечом, наваливается на нее всем

телом, и, наконец, она, содрогнувшись, поддается. Влетают сухие листья, они кружат и рассыпаются по шахматному кафельному полу. Громко топают ботинки, они заляпаны грязью, от них остаются темные следы. Визитер обходит зал, проводя рукой по стенам, сметая пыль, ощупывая изъеденную временем деревянную обшивку.

На пол падает луч света, разрезая пространство пополам, и человек останавливается. Усталое солнце, впрочем, тут же снова скрывается за тучами, и все вокруг погружается в полумрак. Гость кашляет, и звуки эхом разносятся по пустому дому. Он поднимает глаза, замечая отходящие обои, трещины, буйную плесень.

«Да, без ремонта не обойтись», — думает он. Вижу его мысли — они похожи на хаотичные разноцветные всполохи. «Нанять людей, привести все в порядок. Выполнить долг, продать дом и перекреститься. Купить новую недвижимость как можно дальше отсюда». Он не хочет признаваться себе, что этот дом выводит его из равновесия. В картинных галереях его накрывают похожие чувства: ему кажется, что глаза с портретов следят за каждым его движением, что их взгляды проникают в мысли, вызывая невольную тревогу. Человеку страшно, и, осознав свой страх, он раздраженно подавляет это чувство. Иррациональный страх — не про него. Он вовсе не считает себя трусом.

Осматривает тускло освещенный зал.

На стекле остался отпечаток моей руки. Отчетливый и изящный, словно морозный узор. Человек замечает его и мрачнеет, но принимается за измерения. Обходит комнату за комнатой, записывая цифры в блокнот. Его пальцы окоченели от холода, и он дышит на них, пы-

таясь согреть. Тепло его дыхания касается моей щеки,
и я успеваю жадно впитать живую энергию, пока та не
растворилась в воздухе.

Я слеую за ним. Мне нужно выяснить о нем все.

Что он собирается делать?

И чем это обернется для меня?

Нужно понять, как его использовать.

Потому что я его узнала.

Я точно знаю, кто он.

2

Нелл

Январь 2025

Я сидела на краю кровати, обнимая пальцами кружку со слабо заваренным чаем. Сквозь неплотно задернутые шторы пробивались огни улицы. Ночь была безлунная. Тускло-оранжевая полоска выхватила обои в цветочек, потертый ковер и груды разбросанных на полу вещей Ферн. Где-то в конце улицы гроыхал ранний мусоровоз, катались и гремели баки, шипели тормоза. Рабочие кричали что-то друг другу. Яркие фары пробивали темноту. Мимо дома проехал грузовик, и конденсат на внутренней стороне окна засверкал, словно сотня крошечных светлячков, и я смотрела, как капли стекают вниз и собираются в лужицу на раме.

Кутаясь в отдающий затхлостью плед, я попыталась дышать медленно и глубоко, как учила меня инструктор по йоге в Лондоне. Хотела найти внутреннюю опору до наступления нового дня. Но ничего не получалось. Слишком холодно, а я в таком напряжении, что ни на чем не сосредоточишься; когда со стуком ожило центральное отопление, мне это не помогло.

Было начало января, и стоял лютый мороз. Переезжать накануне Рождества само по себе скверная идея, а при минусовых температурах — тем более. Затаскивать вещи вверх по лестнице, втискивать нашу жизнь в чье-то жилье, потому что на большее я была не способна, а потом пытаться превратить его в подобие дома — это просто невозможно.

Адам предлагал помощь, конечно, готов был присылать деньги сверх содержания Ферн. Но я не собиралась ничего у него брать, учитывая, как легко он променял меня на *нее*. А Ферн так злилась на отца, что и не предлагала мне просить у него больше. На самом деле, таково было обычное состояние Ферн последнее время: злость на отца, на меня, на весь мир. Я посмотрела на нее. Она лежала на узкой кровати, свернувшись калачиком, словно младенец в утробе, что-то бормотала во сне, иногда постанывала. Я вздохнула, прижав кружку к груди. Повернулась к окну. Дочь, конечно, хотела, чтобы все стало по-прежнему, и раздражалась по поводу и без. Наверное, потому, что чувствовала себя совершенно беспомощной, ведь она не могла ни на что повлиять и ничего изменить.

Небо становилось черно-синим, появились звезды. Хлопнула дверь машины. Залаяла собака.

— Мама!

Я резко повернулась, плеснув чай на пижаму.

Ферн сидела на кровати, длинные освещенные спутанные пряди обрамляли лицо.

— Мам, мне опять приснился этот сон. Про мужчину. И про бледную грустную девочку. Она плакала.

Сердце у меня сжалось. Сколько еще это будет продолжаться? Сколько мы обе сможем вынести? Я надеялась, что все закончилось. Эти сны начали сниться Ферн в конце прошлого года, когда у нас с Адамом все стало разваливаться.

— Все хорошо, родная, — мягко сказала я, стараясь скрыть страх и усталость в голосе. Поставив чай на подоконник, метнулась к кровати и присела рядом с Ферн. Дурацкий мягкий матрас прогнулся подо мной. Я отвела волосы от ее лица. На ее висках выступила испарина, капельки ползли по щекам, кожа — ледяная. Когда Ферн снились кошмары, ей требовалось, чтобы я была рядом. — Все в порядке, малышка, ты в безопасности. Никто не тронет тебя, обещаю.

Ферн судорожно вздохнула и потянулась к тумбочке включить лампу. От света в комнате словно стало теплее. Я разгладила пододеяльник.

— Сделать тебе кофе?

— Спасибо, мам. — Ферн приподнялась, поправила подушку под спиной, прислонилась головой к стене. Из-за холода спала она в большой, не по размеру толстовке — забрала у своего бывшего парня еще в Лондоне; из рукавов виднелись лишь кончики обгрызенных ногтей. От мягкой ткани пахло смесью дезодоранта «Линкс» и травки. Но стирать ее Ферн не давала — переживала из-за того, что они с парнем решили расстаться перед нашим переездом. Толстовка была реликвией. Наверное, оно и к лучшему. Нам только дважды в неделю разрешали пользоваться стиральной машиной. Темное и светлое стирать в разные дни. Все из-за счетов на электричество. Хозяйка квартиры Кэрол была непреклонна.

— Я мигом. — Я выскользнула из комнаты на темную лестничную площадку, где воняло собачьей мочой и дезинфектором. Осторожно спустилась по лестнице, стараясь не тревожить Кэрол, морщась от скрипа ступеней под ногами.

Открыла дверь в кухню и напугала Пиклза, пса Кэрол. Зашикала на него, чтобы он успокоился. Пиклз, тощий и всегда возбужденный терьер, обожал носиться вокруг, громко таякая и часто оставляя лужицы. Он радостно залаял и бросился ко мне, мешаясь под ногами, щелкая зубами. Я изо всех сил пыталась его утихомирить, опасаясь, что он разбудит Кэрол. Но снаружи было тихо.

Я щелкнула выключателем — люминесцентная лампа на потолке, мигнув, загорелась, — поставила чайник и достала из шкафа две разномастные чашки.

Пока закипал чайник, я ходила взад-вперед, чтобы согреться. Жуткая холодина, несмотря на включенное отопление. В ремонт углового дома викторианской постройки давно никто не вкладывался. Кэрол, казалось, это ничуть не беспокоило, а нас после нашего теплого дома в Лондоне знобило по утрам и вечерам, и мы бесконечно пили горячее, пытаясь хоть как-то согреться.

Я зачерпнула гранулы дешевого кофе и услышала шаги. Обернувшись, увидела Ферн. Она голыми ногами стояла на пороге и дрожала. Толстовка доходила ей почти до колен. Пиклз рванул к Ферн, запрыгал на задних лапах и залаял. Она хмуро оттолкнула пса.

— Решила встать и позавтракать, — пояснила она.

— Важный день, новая школа, — улыбнулась я.

Ферн промолчала. Она была мертвенно-бледной, под глазами серые полумесяцы. Пиклз требовательно гав-

кал, но Ферн, не обращая на него внимания, направилась к древнему холодильнику и распахнула дверцу. Едко пахло заплесневевшим сыром и чесноком. Лампочка в холодильнике моргнула.

— Прокисло. — Ферн, словно это я виновата, помала передо мной бутылкой молока. Сморила нос. — Ужасно воняет.

Нас преследуют неудачи — знакомое ощущение накатило на меня. Но я взяла себя в руки: это всего лишь бутылка молока. Холодильник плохо работает. Молоко скисло. Подумаешь, проблема.

Но Ферн уже включила режим агрессивной обороны.

— Что планируется на завтрак? — Она вытряхнула творожистые комки в раковину. — Это место просто отстой.

Я пробормотала что-то насчет тостов и коробки с мюсли-батончиками на буфете. Открыла дверцы кухонного шкафа:

— Или вот, есть ультрапастеризованное козье молоко. Уверена, Кэрл не будет против.

— Гадость какая! — скривилась Ферн. — Оно пахнет козами.

— Слушай, давай ты пойдешь оденешься, — вздохнула я. — Приготовлю пока завтрак, хорошо?

Несколько минут спустя я несла наверх поднос с двумя кружками кофе и тостами, намазанными дешевым магазинным джемом, держа под мышкой снятую с сушилки блузку. Осторожно переступила через Пиклза, грызущего тряпичный коврик на площадке.

Ферн была в комнате. Она собрала темные, почти черные волосы в небрежный пучок и сидела, напряженно

выпрямившись в новой школьной форме. Ткань, после того как ее достали из упаковки, сохранила аккуратные складки.

— Выйдем заранее, неизвестно, что там с пробками, — сказала я, мысленно прокладывая маршрут по сетке улиц города. — Доброшу тебя до школы и поеду на собеседование.

Собеседование.

У меня перехватило дыхание. Первое за столько лет. Придется изображать энтузиазм, притворяться, будто я способна держать все под контролем и справиться с любыми задачами. Я должна получить эту работу. Просто обязана все наладить. Только бы не ползти к Адаму, признав, что мы, то есть я не справилась без него.

Ферн не ответила. Проглотила остаток тоста и стряхнула крошки с юбки.

— Все будет хорошо, не переживай. У тебя все будет отлично, — твердо сказала я, ловя взгляд дочери. — Уверена, ничего плохого не случится.

Но она не смотрела на меня.

— Просто дурацкий сон, — наконец пробормотала она, сутулясь так, что грудь впала. — Проехали. Он ничего не значит.

Мне хотелось обнять ее и прижать к себе крепко-крепко, как в детстве. Но реакция шестнадцатилетней Ферн могла быть непредсказуемой. Поэтому я лишь молча кивнула в знак согласия.

Устроившись у крошечного зеркала, она принялась наносить тонну тонального крема и рисовать толстые черные стрелки на веках, а я заметалась по комнате, собирая документы для собеседования. Потянулась за блузкой,

которую набросила на кресло, запнулась о школьный рюкзак Ферн, и кофе дугой выплеснулся из кружки. Темно-коричневое пятно расплзлось по ткани.

Черт. Схватила блузку и бросилась к умывальнику в углу комнаты. Открыла разболтанный кран и подставила заляпанную ткань под прерывистую струю воды. Это единственная приличная блузка, которую я захватила с собой. Мой лондонский гардероб состоял в основном из спортивной дизайнерской одежды, обтягивающих вечерних нарядов и дорогого твида. Все это вообще не мое. Мне нужен шопинг. Купить что-нибудь...

— Так не получится, папа говорит, пятна от чая и кофе надо замачивать в уксусе. Если тереть, только хуже будет. — Ферн наблюдала за мной с осуждением. — Папа говорит...

— Да мне плевать! — Я остервенелю терла блузку. — Папы здесь нет, если ты вдруг не заметила.

Среагировала как подросток, в самом деле. Точь-в-точь как Ферн. И вода, действительно, только ухудшала ситуацию. Адам был прав. Как всегда, чертовски прав. Ладно, придется заправить идиотскую блузку поглубже, чтобы хоть как-то скрыть пятно.

Ферн подошла ближе. От нее пахло ванильным спре-ем для тела и персиковым блеском для губ.

— Мам, может, лучше...

— Ферн, хватит! Просто прекрати. Я сама разберусь.

— Да, конечно, справишься. Все под контролем, как обычно. — Она отступила, подняв руки в защитной позе. — Я просто помочь хотела.

В горле стоял ком. Сглотнула. Почему я так реагирую? Почему? Ферн и так на грани.

— Прости, — выдохнула я. — Слушай...

— Забей. — Ферн запихивала учебник в старый, потрепанный рюкзак: одна лямка оторвана и привязана к корпусу веревкой. Что я за мать, какого лешего не купила ей новый рюкзак?

— Есть ручка? — спросила Ферн. — Мне нужно чем-то писать.

Я беспомощно оглядела комнату. Вода с блузки стекала на ковер. Взгляд зацепился за косметичку, из которой торчали тоналка с застывшими подтеками и пересохшая тушь с комочками, потом я посмотрела на грудку журналов, валявшихся здесь еще до нашего переезда, на полбутылки красного вина и расческу Ферн с несколькими иссиня-черными волосинами, застрявшими между зубцов. Ни одной ручки. Даже карандаша нет.

— Заедем в магазин. — Я сняла юбку с покосившейся вешалки. — На заправке по дороге в город. Там наверняка есть ручки.

3

Долли

Март 1847

Я влюбилась. Чувства мои не были робкими и нежными, напротив — они походили на бурлящий поток, на реку, разливающуюся после зимней спячки и затопляющую луга. Совершенно неуправляемая любовь заполнила все клеточки моего естества, словно вода, поглощающая зелень и несущаяся на улицы Бодвика.

Находилась я тогда тем не менее в Лондоне, в Ист-Энде. В Уайтчепеле. В овощной лавке, переделанной под временный театр, балаган, куда народ приходил за пенни, чтобы посмотреть нелегальное представление. А я, звезда шоу, в яркой пышной юбке и дешевой бижутерии, выходила на сцену снова и снова, номер за номером, а толпа выплевывала мне под ноги непристойные комментарии.

Это был мой третий выход за вечер, и зал ломился от зрителей. Погода стояла скверная, и многие пришли, чтобы за пенни укрыться от грязи и проливного дождя. В балаган набились и дети всех возрастов: скорее всего, стащили у родителей монетку, чтобы попасть сюда. Мокрые тела плотно прижимались друг к другу: кто си-

дел, кто стоял, все жаждали развлечения — бодрых песен и уморительных фарсов. Воздух искрил эмоциями.

Мне уже осточертели цветные лампы, освещающие отвратительную яму зрительного зала, грязь, грубые возгласы восторга и восхищения, когда публика впервые лицезрела мои белую, как слоновая кость, кожу и волосы. Поэтому я сразу его заметила.

Он — явно не из тех, кого можно встретить в столь мерзкой дыре, — стоял на галерке позади всего этого сброда, держась за веревку, натянутую для зрителей, чтобы не попадали. Не обращал внимания на громкий хохот и облака дыма от дешевого табака. Он был отстраненный и спокойный. Высокий джентльмен в черном. Строгая шляпа, жесткий ворот, шерстяное пальто с большими рукавами, похожими на вороньи крылья. Сидячие места с обеих сторон от него занимали юнцы. Они вопили, перебранивались и швырялись яблочными огрызками в сидевших внизу легко одетых девчонок с распущенными волосами. Джентльмен оставался ко всему равнодушен, его взгляд искал меня, он слегка поворачивал голову, следя за тем, как я ношусь по сцене в шелковых чулках и пышной юбке. Он словно находился в коконе собственной непроницаемой тишины.

Наши глаза встретились. Мимолетно.

Потом снова. И снова.

Как и каждую ночь, я танцевала, распевая «Правь, Британия!»¹ и «Боже, храни королеву»² под бодрый ак-

¹ Патриотическая песня, написана по поэме Джеймса Томсона на музыку Томаса Арна в 1740 г. к маскараду принца Уэльского, который покровительствовал обоим авторам. — *Здесь и далее прим. переводчика.*

² Патриотическая песня, государственный гимн Великобритании, используемая при важных государственных и общественных событиях.

компанемент дребезжащего пианино и стоны скрипки. Перья развевались, лампы мигали, а мой голос взмывал к стропилам, смешиваясь с дымом, зловонием похоти и немытых тел уличных торговцев. Им нравилось шоу. Они обожали меня. Ура-патриотический пыл песен заставлял толпу выть и реветь, топтать ногами и без конца выкрикивать мое имя.

Я была хороша. Я знала это. Слишком хороша. Я была любимицей владельца театра. Некоторые девушки из труппы ненавидели меня. Непотребно обзывали за глаза, сыпали колкостями — словами твердыми, как леденцы. Смеялись в голос, радуясь придуманным в мой адрес оскорблениям, и хохот заполнял пространство гримерки. Но я оставалась выше всего этого, ведь я знала, сама не понимаю откуда, что однажды стану великой. Я хранила свое тайное знание глубоко внутри.

Тот вечер стал началом моего величия.

Я закончила номер и посмотрела в сторону джентльмена. Но он исчез. Место, где он стоял, заняли. Я была слегка разочарована, но быстро отвлеклась. Раскланялась, сделала реверанс и спела финальную песенку, до последнего удерживая внимание публики.

Мое выступление вновь сорвало овации. Зрители выли от восторга, размахивая рваными шляпами и бросая жалкие подарки: кто яблоко, кто пуговицу, а кто и медную монету. Меня накрыло гнусным возбуждением толпы, и, прижимая подарки к груди, я удалилась со сцены. Приготовившись к завистливым ухмылкам, открыла дверь в слабо освещенную гримерку. Но там царила странная тишина, задняя дверь была приоткрыта, и внутрь проникал воздух с улицы. Снаружи доно-

сился шум — обычное дело для этого района Лондона, и я не придавала ему значения.

Осмотрелась.

В гримерке сидели семь кошек, которые выступали передо мной. Их номер назывался «Хитрые кошки». Интересно, куда делся их хозяин.

Мне стало не по себе, и краем глаза я заметила какое-то движение сбоку.

Замерла.

Из полумрака шагнул человек, и мне на голову словно вылили ушат ледяной воды.

Через секунду я узнала того самого джентльмена, которого видела на галерке. Молчаливого незнакомца. Меня немного отпустило. Я выдохнула.

— Соберите свои вещи, мисс Долли Дав, — велел он голосом глубоким, как полночь, который струился по моим венам, словно вино. По его губам будто прошлись красной помадой, они были мягкими и полными, и мне захотелось коснуться их, проверить, не провалится ли мой палец в эту бархатистую плоть. — Мы уезжаем.

— Сэр? — Ноги дрожали, но я старалась не показывать страха.

— Некто, — он загадочно улыбнулся, — сообщил об этом балагане, пожаловался на нарушения общественного порядка. Прямо сейчас полиция прочесывает район. Неужели вы не слышите?

Я прислушалась к шуму с улицы. Крики, удары, — очевидно, там шла драка.

— У них собаки и дубинки. Они арестовали нескольких артистов и, конечно, дебоширов из зала, которые рванули через главный вход.

Я судорожно вздохнула. Ладони стали липкими, яблоко выскользнуло, глухо стукнулось об пол и закатилось под стол.

— И вас, звезду шоу, тоже арестуют, если вы немедленно не покинете это место.

— Но...

— Вас оштрафуют или отправят в исправительный дом.

— Но я не могу уйти! Это мой единственный источник дохода. Я должна остаться, сэр. Конечно, у меня есть брат, он работает, но его денег едва хватает, а с тех пор, как умерла наша мать...

— Тогда предстаньте перед судом, мисс Дав, пусть там решат вашу судьбу. — Он выпрямился и сделал шаг к выходу. Меня начали одолевать сомнения. — Или идемте со мной. Я известный антрепренер, и я устрою вашу судьбу. Я пришел в эту хибару, надеясь увидеть вас на сцене, и, надо признаться, не разочарован тем, что увидел. — Он поднял руку и провел ею по воздуху. — И теперь ясно представляю себе... вижу столь отчетливо. О, мисс Дав, я сделаю вас великой, величайшей артисткой! — Его рука опустилась. — А что до вашего брата, мне не составит труда забрать его позже. Когда вы будете далеко отсюда и в безопасности. — Он наклонился ко мне. И, понизив голос, спросил: — Что вы теперь скажете?

— Сэр, я...

В другой руке он сжимал трость с серебряным набалдашником и теперь стукнул ей в пол. Я вздрогнула.

— Вы нужны мне, — произнес он жестко и настойчиво, наклонившись ко мне, и я уловила насыщенный запах портвейна. Я смотрела на его длинные черные ресницы,

ХИЗЕР ДЕЙВИ
ПРИЗРАКИ МЕРРИ-ХОЛЛА

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Янина Забелина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Антонина Семенова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 07.09.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 20,52. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака	ИНОСТРАНКА®
ИНОСТРАНКА®.	тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. ш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01,	Тел. (495) 933-76-01,
факс (495) 933-76-19	факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Малоохтинский пр-т, д. 68	195112, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

R-60T-39811-01-R